

Корневая сила

Кавалер медали «Патриот России» учитель из Верхней Салды Юлия Зорихина возвращает из небытия утраченные имена и страницы истории

1 >>>
Галина СОКОЛОВА

—Юлия Сергеевна, вам, педагогу с огромным стажем, наверняка известно, учителями рождаются или становятся?

—Любая профессия принимает тебя, если пришел отдавать, а не брать. Я начала преподавать в школе села Акинфиево в 17 лет. Многие мои ученики были младше меня на год-два и поначалу не воспринимали всерьез девушку с указкой. «Я не учитель, а тряпка. Строгости не хватает. Чему могу научить при таком поведении?» — это строки из моего личного дневника, написанные в первые дни работы. Но прошло совсем немного времени, и мы стали с этими ребятами друзьями, единомышленниками.

Нина Васина, Зина Михайлова, Галия Блинова, Саша, Вова и Коля Черкасовы, Паша и Алёша Завитаевы — я их учила русскому языку, а они меня — азам педагогики. В дневнике всё чаще появляются записи с «материнскими» нотками: «Боже, как мне жалко Сашу Хрущёва, ведь его мама совсем не уделяет ему внимания. Сидим с ним после уроков, занимаемся». Шесть лет, проведённых в Акинфиево, стали для меня не только добрым стартом в профессии, но и школой жизни.

Повезло мне и с первым наставником. Руководила педагогическим коллективом Ирина Константиновна Завитаева. Она стремилась развить в молодых специалистах тягу к совершенствованию, уверенность в своих силах. Не случайно среди сотрудников учреждений образования Верхней Салды так много её воспитанников.

—А как так получилось, что учителем приняли вчерашнюю выпускницу школы — без опыта, без образования?

—Я ещё в школе отличалась самостоятельностью, училась хорошо. Получив аттестат, по совету родственников уехала попутешествовать в Ригу, в Латвийский госуниверситет, чтобы стать химиком. Экзамены сдавала успешно, а потом... «сбежала в родную Салду. Поняла — не мое. В сельской школе как раз вакансия была, вот и взяла. А филологический факультет пединститута я потом заочно окончила.

—Русский язык и литература в советские годы преподавались довольно статично. Творения классиков, достойных изучения, выбирали без вас. Ученики не менялись десятилетиями. Находились ли место новаторству в работе школьного словесника?

—Считаю, что в преподавании столь творческих дисциплин работа без вдохновения и инноваций — признак профессиональной несостоятельности. Директор школы №2 Николай Васильевич Сорокин поддерживал ищущих педагогов. Меня, например, всегда занимало литературное краеведение. Ещё до введения регионального компонента в образовании разработала программу «Уральская словесность». Дети изучали, исследовали творчество наших писателей, поэтов. Выходили мы с ребятами и на «литературную тропу»: проводили уроки в музеях, встречались с салдинскими авторами.

Что, казалось бы, нового можно увидеть в читанных-перечитанных уральских сказках, а моя ученица Женя Полякова сделала глубокое, удивительное для своего возраста исследование «Цветовая палитра в творчестве Бажова». Правда, на городском уровне Женя заняла только последнее место, а вот в области была отмечена среди лучших. Получили мы приглашение и на финал конкурса «Алмазные грани» в Екатеринбург. Приезжаем и видим: зал оформлен по бажовским мотивам. Началось награждение. Среди победителей — дети из престижных гимназий уральской столицы. Объявляют Гран-при и вызывают... нас

с Женей — жителей полудеревянной Салды.
К слову, это не единственный пример, когда в городе «прорывные» проекты остаются незамеченными, не оценёнными по достоинству. Это — об уровне тех, кто традиционно занимает места в жюри.

—Всем же известно, что «нет пророка в своём Отечестве». Зато ваши ученики и программы получают заслуженное признание выше. В разные годы авторская программа «Уральская словесность» была лучшей в Всероссийском конкурсе материалов для дополнительного образования и даже была рекомендована к распространению.

—Время показало, что учителя, трепетно относящиеся к литературному наследию малой родины, к истории своего края, правы. Уральский менталитет мы, к сожалению, утрачиваем. А ведь в наших генах — бунтарство, нестягаемость, надёжность, широта души. Эти качества вызывают уважение к уральцам повсюду.

—Уважение к истории и побудило вас встать на поисковую тропу?

—Всё началось с изучения боевого пути Уральского добровольческого танкового корпуса. Для поисковой работы объединились инициативные ребята. Возрастных ограничений не было. Сначала мы прошли маршрутами по области, ведь вести детей в далёкие экспедиции можно только преподавателю, имеющему спортивный разряд по туризму. Да и среди ребят 70 процентов должны были быть разрядниками.

В походах мы лучше узнавали друг друга, проникались общей идеей, мечтали о большой работе. Изучили документы, провели уйму времени в архивах, наметили маршруты поиска. Очень обогатило нас участие в экспедиции «Моё Отечество — СССР». И дети, и взрослые гордились полученными бронзовыми, серебряными и золотыми значками по итогам выполнения заданного движения.

Первым же «выходом в свет» можно считать участие в телепередаче «Один за всех — все за одного» в Ленинграде в 1977 году. Как мы к ней готовились! Нам сообщили: обязательное условие — наличие единой формы. Мальчишки, чтобы на неё заработать, продавались на почте корреспонденции разносить. Шили тогда всем красивые рубашки. Может, рядом с соперниками мы и выглядели по-деревенски, зато продемонстрировали и командный дух, и основательные знания истории российского мореплавания.

—А когда вы расширили маршруты до союзных масштабов?

—Подготовились в регионе — пошли в походы по местам боевой славы танкового корпуса. От Кубинки до границы Советского Союза. Поклонились

У большинства малышей познание мира начинается с детской сказки. Юлия Зорихина старается, чтобы в этом ряду были также и реальные истории о героях-уральцах

тем местам, где нашли покой наши земляки-танкисты. Подружились со служащими Четвёртой танковой армии и с ребятами-поисковиками из разных уголков страны.

Помню, как впервые приехали на Слёт красных следопытов в Москву. Все делегации выступали, подчёркивая значимость своей работы. На выступление — по три минуты. А когда на сцену вышел мой ребёнок — Дима Анисимов, Ирина Танкиевская и Денис Недотко, они начали рассказывать о судьбах, которые нам удалось установить. О солдатах Победы. Почётные гости слёта громко попросили: «Не останавливайте ребят, пусть расскажут всё».

Отличились мы и тем, что на встрече в Советский комитет ветеранов войны единственные пришли с цветами. О чём это говорит? С самого начала в поиске нас вело не желание прославиться. Мы работали, считая своим долгом возвращение имён героев. Но при всём том мы обогащались духовно. У нас появились друзья по всей стране. Бывало, по семь инородных делегаций принимали в Салде, и сами ездили в гости. Между ребятами шла бурная переписка, отправлялись-приходили посылочки (даже романтические отношения между старшеклассниками завязывались). Работа поисковых отрядов была трудная, но благодарная.

—В советское время связи поисковиков из разных республик всячески поддерживались. А как повлиял на вашу работу развал Советского Союза?

—В 1990 году в честь 45-й годовщины Победы была объявлена Всесоюзная вахта. В раскопах Смоленской области под Сычёвкой работали сапёры и школьники. Мы поехали впервые, ничего не зная, не умели. Нашли неизвестное захоронение в пяти метрах от оживлённой трассы Ржев — Москва, но поднять останки не успели. В следующий раз попросили выделить нам отдельный район. Так попали в городок Зубцов. Отряд наш вырос, в раскоп поехали 33 школьника, с нами были некоторые родители, салдинские ветераны-афганцы.

—А в раскопках захоронений вы с ребятами участвовали?

—В 1990 году в честь 45-й годовщины Победы была объявлена Всесоюзная вахта. В раскопах Смоленской области под Сычёвкой работали сапёры и школьники. Мы поехали впервые, ничего не зная, не умели. Нашли неизвестное захоронение в пяти метрах от оживлённой трассы Ржев — Москва, но поднять останки не успели. В следующий раз попросили выделить нам отдельный район. Так попали в городок Зубцов. Отряд наш вырос, в раскоп поехали 33 школьника, с нами были некоторые родители, салдинские ветераны-афганцы.

—У нас всегда очень крепкие связи были с поисковиками Западной Украины. Мы занимались одинаковой работой: проходили дорогами боёв, изучали надписи на братских могилах в Тернопольской и Львовской областях, выясняли судьбы земляков. В 1991 году украинская делегация приехала в Москву, мы тоже были приглашены на эту встречу. Раздрай в стране шёл же полным ходом, и все мы понимали — приехали к нам украинские друзья в последний раз. Уже бывали случаи, когда московских поисковиков возвращали с Западной Украины под охраной милиции, так как руководители опасались за жизнь детей. Но в 1991 году мы встретились тепло, подарили друг другу сувениры...

А вскоре мы отправились в экспедицию в Львовскую область. Встречались были радужные, но предупреждали — передвигаться можно только днём, держаться всем вместе. В селе Бачив днём ребята общались с местными сверстниками. Они нам стол накрыли, концерт показали. На ночь мы остались в местной школе один. За полночь с улицы доносились крики: «Убирайтесь вон, москальи!», в окна полетели камни. Уезжали с тяжёлым сердцем, как никто не пострадал: всё-таки к уральцам отношение местных жителей было куда терпимее, чем к москвичам.

Должна сказать, что влияние националистов на этих территориях хоть и велико, но народ тяготеет к исторической справедливости. Например, в советское время на месте концлагеря в Славуте (Хмельницкая область) не было даже опознавательного знака, а ведь известно, что 20 тысяч человек умерли там от медицинских экспериментов фашистов. Мы туда ездили, а много позднее выяснили, что среди узников концлагеря был житель нашего посёлка Басьяновский. Когда Украина стала отдельным государством, в Славуте открыли музей.

—А в раскопках захоронений вы с ребятами участвовали?

—В 1990 году в честь 45-й годовщины Победы была объявлена Всесоюзная вахта. В раскопах Смоленской области под Сычёвкой работали сапёры и школьники. Мы поехали впервые, ничего не зная, не умели. Нашли неизвестное захоронение в пяти метрах от оживлённой трассы Ржев — Москва, но поднять останки не успели. В следующий раз попросили выделить нам отдельный район. Так попали в городок Зубцов. Отряд наш вырос, в раскоп поехали 33 школьника, с нами были некоторые родители, салдинские ветераны-афганцы.

—Установившая судьбы земляков, наверное, многое узнали и о своей семье?

—Дедушка по отцовской линии — Михаил Бабкин, был плотником мастером. На общественных началах руководил строительством некоторых объектов в Верхней Салде. Так что его след в местной истории заметен. Когда прохожу мимо клуба металлургического завода, всегда о нём вспоминаю. С теплотой и гордостью. В Гражданскую войну мои родственники воевали по обе стороны фронта. Не пощадила семью и Великая Отечественная война. Старший мамин брат Сергей Кантур был известным в городе силачом, на кулачный бой в одиночку против вагата за реку ходил. Погиб он под Витебском. Мама — Екатерина Григорьевна, в военные годы почтальоном работала. Похоронку на брата долго носила при себе, предала бойцов, сын опознал останки отца по перочинному ножу. Нам тоже удалось восстановить несколько судеб, а всех поднятых бойцов похоронили по православному обычаю.

В Зубцовский район мы ездили четыре раза. В деревне Веригино определили место для захоронения 158 человек в чистом поле. Начали копать могилу и опять наткнулись на останки. Теперь там большое воинское кладбище. Потом ещё были поездки в Курск, Смоленск, Калугу, Туапсе, Волгоград...

—Насколько результативной была работа в архивах?

—Без кропотливого изучения документов невозможно восстановить судьбы. Моя ученица Лена Кокшина, работая в архивах, стала настоящим профессионалом.

А итогом поисковой работы двух десятилетий стала Книга памяти. В ней 4089 фамилий салдинцев, уже после издания установлено ещё 48 судеб. Работа продолжается. В электронном виде готовятся ещё две книги — о судьбах умерших от ран в госпитале 18-45, действовавшем в годы войны в первой школе, и о трудармейцах.

Установилась традиция: документы, рассказывающие о судьбе погибшего солдата, передаём родственникам в торжественной обстановке. На зал невозможно смотреть — все плачут. Очень важна поддержка, которую ребятам оказывают взрослые. В поездках нас сопровождают ветераны Афганистана, родители. В Верхней Салде отклик находим всегда у директора Дворца культуры Светланы Куличенко, начальника управления пенсионного фонда Нины Хоренченко и тележурналиста Ирины Лучниковой, в Басьяновском помогает Люмира Синельникова. Всегда также можем рас-

считывать на помощь специалистов областной организации «Возвращение» и руководителя Центра краеведения Клавдии Лузиной.

—А что такое проект «Старое кладбище»?

—Есть в нашем городе уже закрытое кладбище, где за два столетия накопилось много легенд и безымянных могил. Инициативная группа под руководством Нинель Грибовой пороботала, чтобы не допустить строительства «на костях» гаражей. Суды выиграли. Мы с ребятами навели там порядок. Теперь устанавливаем имена тех, кто здесь похоронен. В итоге должны быть восстановлены таблички на памятниках, установлен поклонный крест в память о погибших в годы войны эвакуированных. На Урале ведь и в довоенное время переселенцев было много. В наш город были отселены «неблагонадёжные» и раскулаченные из многих областей. Например, после кулацкого бунта салдинцами поневеле стали многие жители тюменского Ишима.

Поверьте, установление судеб важно прежде всего для живых. Отчего процветает сейчас вандализм? От незнания. Мы сами воспитываем «Иванов, родства не помнящих», а потом пожинаем плоды.

—Устанавливая судьбы земляков, наверное, многое узнали и о своей семье?

—Дедушка по отцовской линии — Михаил Бабкин, был плотником мастером. На общественных началах руководил строительством некоторых объектов в Верхней Салде. Так что его след в местной истории заметен. Когда прохожу мимо клуба металлургического завода, всегда о нём вспоминаю. С теплотой и гордостью. В Гражданскую войну мои родственники воевали по обе стороны фронта. Не пощадила семью и Великая Отечественная война. Старший мамин брат Сергей Кантур был известным в городе силачом, на кулачный бой в одиночку против вагата за реку ходил. Погиб он под Витебском. Мама — Екатерина Григорьевна, в военные годы почтальоном работала. Похоронку на брата долго носила при себе, предала бойцов, сын опознал останки отца по перочинному ножу. Нам тоже удалось восстановить несколько судеб, а всех поднятых бойцов похоронили по православному обычаю.

—А как близкие относятся к вашей поисковой деятельности?

—Муж часто сопровождал нас в поездках, рядом были и сыновья. Сейчас уже подрастают внуки. Катя в девять лет создала уникальную Книгу памяти о салдинских детях войны. В неё занесена 691 фамилия детей, умерших в Верхней Салде в военные годы. В большинстве это дети эвакуированных. Хотим на старом кладбище и их память увековечить, чтобы ребяташки 1 июня могли приносить сюда цветы.

Сейчас я уже в раскопе не езжу, ведь каждый раз, поднимая останки, переживаешь эмоциональный шок, чувствуешь связь с человеком, чья жизнь оборвалась так трагично. Работу, начатую в 1989 году, продолжают ребята из кадетской школы. А наш отряд «Память», который был у истоков «Возвращения», остаётся активным участником областной общественной организации, занимающейся восстановлением судеб земляков.

Поиск продолжается. Работы — непочатый край. Только вдумайтесь: на территории бывшего Советского Союза 47 тысяч захоронений. Шесть миллионов солдат, погребённых в них, остаются безымянными. 2,4 миллиона советских бойцов числятся без вести пропавшими. Устанавливаем судьбы павших, мы восстанавливаем историческую справедливость. Считаю эту работу своим предназначением на земле. И рассказываю обо всём «не ради славы». Хочу среди читателей газеты найти единомышленников...

ДОСЬЕ «ОГ»
Юлия Сергеевна ЗОРИХИНА
Родилась 25 марта 1952 года в Верхней Салде.

В 1969 году окончила среднюю школу и начала преподавать русский язык и литературу в селе Акинфиево. С 1975 года работала в школах Верхней Салды. В 1977 году заочно окончила Нижнетагильский государственный педагогический институт.

Занимается литературным краеведением, разработала несколько авторских программ для регионального компонента в образовании.

Возглавила в Верхней Салде работу по изучению боевого пути Уральского добровольческого танкового корпуса. Стояла у истоков создания областной общественной организации «Возвращение». Под её руководством в городе в 1989 году создан поисковый отряд «Память». Поиск и установление судеб земляков проводились на территории Смоленска, Курска, Зубцова, Ржева, Калуги, Смоленска, Туапсе, Волгограда, а также в Белоруссии.

Является автором-составителем трёх Книг памяти.

В 1986 году награждена орденом Дружбы народов, в 1991 году знаком ЦК ВЛКСМ «За отличие в труде», в 1995 году — нагрудным знаком «Отличник народного просвещения РСФСР». В 2000 году Всероссийским центром туризма и краеведения присвоено звание «Профессор краеведения».

В 2009 году Международная академия детско-юношеского туризма вручила Ю. Зорихиной свою высшую награду — золотой компас за разработку и воплощение концепции развития литературного краеведения на базе образовательного учреждения. В этом же году награждена медалью «Патриот России».

«Я не учитель, а тряпка. Строгости не хватает...» — писала Юлия в молодости в личном дневнике. Время показало: она — Учитель. С большой буквы!

Блиц-опрос

—Юлия Сергеевна, вы с ребятами в походах прошли весь Урал, с экспедициями побывали во многих уголках страны. Никогда не появлялось желание сменить место жительства?

—У меня много друзей и в России, и за рубежом. И страну я, действительно, повидала. Но всегда было чувство, что такой нужной людям, как в Верхней Салде, я не буду нигде. Есть выражение — «человек мира», так вот я — «человек салдинского мира».

—Вы долго работаете в школе. Поколения подростков меняются с течением лет?

—У сегодняшних детей больше испытаний, серьёзные нравственные экзамены. Как бы жизнь ни изменялась, дети всегда остаются просто маленькими людьми, которых надо любить. И их главные черты — любознательность и открытость. Важно уберечь их от сегодняшнего дефицита общения, душевного одиночества, ведь одинокий, не понятый взрослыми человек может уйти в мир наркотиков, криминала.

—Что вас пугает в современной жизни?

—Переход всех и всего на коммерческие рельсы. На продажу выставляются не только материальные, но и духовные ценности. Культура, образование — всё коммерциализировано. Это негативно влияет на общество.

—Поиск — это переживания, погружение в чужие судьбы. Как потом «переводите дух»?

—Домохозяйство. Очень люблю, когда всё вокруг чисто и уютно. Вышивкой увлекаюсь. В саду отдыхаю, с растениями разговариваю. Дом, внуки, природа — лучшие способы релаксации.

По местам боя Уральского добровольческого танкового корпуса они провели пять походов